

Путь русского офицера

Я.А. Слащов-Крымский

Белый Крым 1920

Путь русского офицера

Яков Слащов-Крымский

Белый Крым. 1920

«ВЕЧЕ»

2013

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612.8

Слащов-Крымский Я. А.

Белый Крым. 1920 / Я. А. Слащов-Крымский — «ВЕЧЕ»,
2013 — (Путь русского офицера)

Генерал Яков Александрович Слащов (1885–1929), герой обороны Крыма зимой 1919–1920 гг., был знаменит не только своей храбростью, его воинское мастерство было высоко оценено современниками. За успехи при обороне Крымского полуострова главнокомандующий Русской армией присвоил ему своим приказом право именоваться Слащовым-Крымским, а позже он стал одним из личных врагов генерала Врангеля. Поступки генерала Слащова многим казались эксцентричными и труднообъяснимыми. Одним из самых загадочных поступков стало возвращение генерала в Советскую Россию из эмиграции. На страницах своих воспоминаний генерал рассказывает читателям о своем участии в Гражданской войне, конфликте с генералом Врангелем и о своем возвращении на Родину.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612.8

Содержание

Один год эмиграции генерала Я.А. Слащова-Крымского	5
Загадка генерала Слащова	5
Переворот без государства	7
Открытый конфликт	11
Незамеченные события	13
Последнее слово Слащова-Крымского	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Я.А. Слащов-Крымский Белый Крым, 1920

Один год эмиграции генерала Я.А. Слащова-Крымского Попытка историко-психологической реконструкции¹

Загадка генерала Слащова

О Якове Александровиче Слащове (1885–1929) – знаменитом в годы Гражданской войны генерале Слащове-Крымском, получившем право именоваться так согласно приказу Главнокомандующего Русскою Армией генерала П.Н. Врангеля за успешную оборону полуострова зимой 1919–1920 г. от численно превосходящих советских войск, – редко говорят как об эмигранте, очевидно, потому, что пребывание его за границей было сравнительно недолгим: эвакуировавшись из Крыма в составе врангелевской армии в ноябре 1920-го, он уже через год с небольшой группой офицеров неожиданно уехал в РСФСР, став далеко не первым, но, наверное, самым известным «возвращенцем».

Официальное объяснение поступка Слащова тогда же было приведено советским публицистом: «Два основные мотива, по собственным словам прибывших офицеров, побудили их к этому решительному шагу: во-первых, сознание безнадежности, а значит, и преступности борьбы с рабоче-крестьянской революцией и с правительством, выдвинутым трудящимися классами страны; во-вторых, сознание, что белогвардейские армии играют роль слепого орудия в руках иноземных хищников, стремящихся к экономическому и политическому порабощению России», – и самим Слащовым в датированном 21 ноября 1921 г. печатном же обращении «к офицерам и солдатам армии Врангеля и беженцам»: «Советская власть есть единственная власть, представляющая Россию и ее народ», «я, Слащов-Крымский, зову вас, офицеры и солдаты, подчиниться советской власти и вернуться на родину, в противном случае вы окажетесь наемниками иностранного капитала и, что еще хуже, наемниками против своей родины, своего родного народа». В эмиграции же объяснения по большей части варьировались от гневного или злорадного «за 15 тысяч золотом был куплен и перешел в красную армию» («покупка большевиками крымского палача», «с легкостью, презрения достойной, предал своих соратников и “продал шпагу свою”» и т. п.) до попыток, в лучшем случае, защитить Слащова рассуждениями, «что много людей честной мысли и честных действий и посейчас переносят в России голод, холод, эпидемии и нестерпимый нравственный гнет из желания не отделяться от России и переносить все, выпавшее ей на долю, веруя, что “претерпевший до конца, той спасен будет”». Дополнительным мотивом считается и личный конфликт Слащова с Врангелем, тлевший еще в Крыму и вырвавшийся на всеобщее обозрение в Константинополе: очевидно, именно это имел в виду автор эмигрантского некролога, не без сочувствия размышляя, что Якова Александровича «жалели за малодушие, обычно ему не свойственное, жалели за то, что общую прекрасную белую идею, которой он когда-то так доблестно служил, ему не удалось поставить выше личного, случайного...»

¹ С разрешения автора издательство публикует статью, впервые напечатанную в сборнике «Люди и судьбы Русского Зарубежья» (М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011. С. 99–120).

Сразу подчеркнем: подлинная мотивировка любых поступков остается, конечно, тайною души совершающего их человека, «вещью в себе» («предметы нашего познания суть явления, а не вещи в себе»), и не может быть реконструирована с абсолютной достоверностью. С другой стороны, эти же соображения решительно ослабляют силу аргументов, основанных на «анalogии» – «поскольку многие репатриировались, мог репатриироваться и генерал Слащов». Подобный «закон больших чисел» нивелирует чувства и мысли попадающих под его действие личностей и в сущности обезличивает их; а потому, когда факты биографии данного исторического героя если и не обильны, то по крайней мере достаточны для воссоздания какой-то канвы его жизни в интересующий нас период, – именно эти факты, их сопоставление и анализ, а отнюдь не рассуждения «по аналогии», должны становиться предметом рассмотрения для внимательного биографа. Выводы же при этом, отличаясь большим или меньшим правдоподобием, могут приближать нас к разгадке или отдалять от нее, но не решать заданную задачу окончательно, коль скоро речь идет о таинственных движениях человеческой души.

Неуместность рассуждений «по аналогии» в случае генерала Слащова очевидна еще и потому, что Яков Александрович был яркой и не похожей ни на кого личностью, к которой «усредненные» мерки вообще не кажутся нам приложимыми. Правда, такие его черты, как повышенная эмоциональность (по мнению многих, даже неврастеничность), «взрывной» темперамент, склонность к рискованным решениям, в глазах стороннего наблюдателя подчас отдававшим авантюрой, – подсказывали недоброжелателям простейшее объяснение поступка генерала: «...Слащов отправился в Москву, готовый в случае необходимости проливать “белую” кровь в таком же количестве, в каком он проливал “красную”... Не все ли равно, какая кровь насытит честолюбие авантюриста!..» Однако более существенными представляются в облике Слащова убежденная непримиримость к большевизму и стремление к действительному сопротивлению, борьбе против него, присущие Якову Александровичу буквально с первых до последних дней Гражданской войны на Юге России.

Полковник Слащов прибыл в Новочеркасск, в распоряжение собиравшего добровольцев генерала М.В. Алексеева, 5 января 1918 г. (предположительно по новому стилю); Генерал-лейтенант Слащов-Крымский в часы крушения Крымского фронта, уже после падения Перекопа и Юшуни и врангелевского приказа об эвакуации, 30 октября /12 ноября 1920-го, последним из военачальников его уровня еще требовал «из тех, кто не желает быть рабом большевиков, из тех, кто не желает бросить свою Родину, – сформировать кадры Русской Армии, посадить их на отдельные суда и произвести десант (в тылу наступающих большевиков. – А.К.)...»: «Колѣбанию и колеблющимся не должно быть места – должны идти только решившиеся победить или умереть». И если считать эту позицию последовательной – а ее трудно не считать таковой, – то еще труднее не считать вопиющей и труднообъяснимой позицию Слащова, уже в феврале 1921 г. в турецкой столице пошедшего на тайные контакты с уполномоченным ВЧК «Ельским» (Я.П. Тененбаумом), а с 21 марта – по собственному свидетельству, принявшего полномочия «секретного представителя РСФСР в Константинополе». Что же такого случилось за три с половиною месяца (всего!), что побудило яростного врага большевиков столь резко переменить курс?

Переворот без государства

Практически с первых же недель вступления барона Врангеля в должность Главнокомандующего Русскою Армией, по меньшей мере с апреля 1920 г., Слащов неоднократно вступал в конфликт с самим Врангелем или кем-либо из его окружения. Наружно, впрочем, Яков Александрович сохранял полную лояльность Главнокомандующему, подчеркивая это даже после того, как в августе был спровоцирован на подачу рапорта об отставке, которую Врангель немедленно принял. К примеру, в сентябре Слащов публично заявлял (и слова его попали в газету): «Надо сплотиться вокруг ген[ерала] Врангеля, я верю, что он спасет Россию, и я пойду за ним». Вера, однако, подвергалась слишком сильным ударам и была окончательно потеряна в ноябрьские дни крымской катастрофы.

Объявления об эвакуации, которые Слащов язвительно характеризовал как приказы «спасайся кто может»; дезорганизация в отступающих фронтовых частях; тревожные слухи о том, кто будет эвакуирован, а кто брошен в Крыму (во время поездки на фронт в последние дни октября генерал мог узнать, как предполагают обойтись с его бывшими подчиненными по 2-му армейскому корпусу: «Тоннаж чрезвычайно ограничен, на II корпус предназначается один транспорт. Эвакуации подлежат лишь офицеры, их семьи, а из солдат лишь только особенно преданные»); неизбежные при погрузке почти полутора сотен тысяч человек ошибки и неурядицы, от этой неизбежности не менее трагические для тех, кто оказывался их жертвами (в частности, места не нашлось для самого Слащова, и он попал на отходящий корабль лишь благодаря дружеским отношениям с морскими офицерами) – все это переполняло чашу терпения и подталкивало впечатлительного и эмоционального генерала к немедленным действиям.

Слащов, чье имя пользовалось широкой известностью и популярностью у самых разных слоев населения Крыма, в дни катастрофы привлекал к себе все большее внимание взволнованной тыловой толпы, что и вызвало распоряжение Врангеля о командировке Якова Александровича в распоряжение генерала А.П. Кутепова: официально – дабы Слащов объединил «командование частями на одном из участков фронта», в действительности же для того, чтобы Кутепов «задержал генерала Слащова при себе, не допуская возвращения его в Севастополь». (Неизвестно, догадывался ли командированный об этом, по существу предательском, двуличии, но от Кутепова, не чуждого интриги, он мог узнать правду, что, без сомнения, еще больше взвинтило бы его.) И после возвращения с фронта в эвакуирующийся Севастополь он уже сознательно делает новые шаги, чтобы обратить на себя внимание уходящих на чужбину.

«На ледоколе “Илья Муромец” оказались тоже “знакомые” – пытался говорить ко всем и вся в мегафон – генерал Слащов-Крымский», – сбивчиво вспоминает через шестьдесят с лишним лет рядовой доброволец (ранее служивший под началом Якова Александровича), комментируя: «пытался восстановить свою репутацию – но поздно; и был пьян, как всегда!» Не преувеличивая способности мемуариста определить степень опьянения Слащова... с палубы линейного корабля «Георгий Победоносец», шедшего на буксире «Муромца», отметим также, что в «восстановлении репутации» в собственном смысле слова (испорченной, подорванной и проч.) генерал не имел надобности: три месяца находясь не у дел, он не мог нести ни фактической, ни моральной ответственности за проигранную борьбу. Но «восстановлением репутации» его действия можно считать с другой точки зрения: Слащов как бы напоминал о себе, своих заслугах и былом авторитете полководца, вновь представал перед покинувшей родину «Белой Россией», скученной на кораблях, в ореоле легенды, которая ранее окружала его на полях сражений. Такое же впечатление производит и рассказ еще одного мемуариста о прибытии к Босфору линейного корабля «Генерал Алексеев», заводимого в пролив тем же ледоколом:

«Вдруг на палубе “Ильи Муромца” появился высокий, бравый Генерал, молодой, румяный, полнолицый. Белая папаха лихо сидела на его голове, красные шаровары горели на солнце; расставил широко крепкие ноги в высоких сапогах, белый ментик свисал с плеча. Он громким голосом весело и бодро закричал: “На ‘Алексееве’! передайте: – Генерал Слещов на ‘Илье Муромце’ приветствует ‘Алексеевцев’ с благополучным приходом!” – Командир с мостика передал привет Защитника Крыма своей команде и всем запрудившим палубу людям; но гробовое молчание воцарилось на палубе, и лица выражали боль и недоумение, точно тронули их раскрытую рану: “Крым”... “Севастополь”... нет! не надо! не будем вспоминать!.. не тревожьте больного!.. Еще так свежа, так горит эта рана!»

Впрочем, вряд ли Яков Александрович тогда предполагал напрямую апеллировать к беженским массам, готовясь выступить с критикой Главнокомандующего. Воспитанный в старых армейских традициях и имевший перед глазами горький опыт трехлетней Смуты, он не должен был считать допустимым вовлечение посторонних в борьбу внутри высшего командного состава, – как и в марте 1920 г., когда говорил на военном совете, созванном по приказу генерала А.И. Деникина для обсуждения кандидатур на пост нового Главнокомандующего: «У нас нет выборного начала. Мы не большевики, это не Совет солдатских депутатов. Пусть генерал Деникин сам назначит, кого он хочет, но нам выбирать непригоже. [...] Назвать имя – значит выбирать. Мы этого не можем сделать. Сегодня будем выбирать мы, а завтра станут смещать нас и выбирать на наше место». Теперь он считал допустимым требовать смещения Врангеля, но не путем «революции», а путем «дворцового переворота».

Что Слещов мыслил именно такими категориями, свидетельствует употребление им применительно к этим своим действиям выражения «*coup d'état*», с комментарием: «*etat* – государства [–] у нас уже не было, но армия еще была». Правда, одновременно он говорит о своем стремлении сохранить «принцип преемственности власти (разрядка Я.А. Слещова. – А.К.), чтобы не было того, что принято называть *coup d'état*», но смена Главнокомандующего путем давления на него или иных демаршей на самом деле вполне укладывается в понятие переворота, только, как и было сказано выше, «дворцового».

Интересно, что переворот Слещов планировал отнюдь не в свою пользу. От честолюбивого намерения занять высший пост генерал отказался еще в марте, на упоминавшемся военном совете, где мог бы встретить сочувствие, пожелай он начать собственную игру («Слещов – защитник Крыма и единственный из начальников, сохранивший войска, [–] пользовался огромной популярностью среди большей части населения Крыма. Его партия была едва ли слабее, а вернее, сильнее Врангелевской», – писал об этом через несколько лет бывший соратник Слещова). И как тогда, в марте, он сделал ставку на сотрудничество с Врангелем, так и теперь, в ноябре, решил поддержать командующего 1-й армией генерала Кутепова, за которым, очевидно, Яков Александрович ощущал поддержку наиболее многочисленных и сплоченных контингентов, эвакуировавшихся из Крыма, – кадров Корниловских, Марковских и Дроздовских полков.

Нам кажется более чем вероятным, что, как рассказывает Слещов, в часы крушения фронта в штабном вагоне Кутепова оба генерала дружно ругали Главнокомандующего и его окружение («ставка все погубит», «генерал Врангель недостаточно решителен в ту минуту, когда от вождя нужна именно решительность, а его “камарилья” достаточно типична именно для определения ее таким словом» и т. п.). На босфорском же рейде, вспоминает Яков Александрович, «я возобновил этот разговор и указал Кутепову на необходимость смены штаба»; «Кутепов во всем со мной согласился и взялся передать генералу Врангелю мой рапорт».

В книге, выпущенной по горячим следам в Константинополе, Слещов ограничивает участие Кутепова в попытке переворота всего лишь «согласием»; в «отрывках из воспоминаний», написанных и изданных уже в Москве, он делает своего собеседника инициатором: «...Кутепов заявил: “Раз ты совершенно разочаровался, то почему бы тебе не написать Врангелю о

том, что ему надо уйти? Нужно только выставить кандидата, хотя бы меня, как старшего из остающихся”». В принципе нам представляются равно правдоподобными оба варианта, и возможно, что в обсуждении, которое вряд ли было похоже на хладнокровный заговор, выделить подлинного инициатора оказалось бы довольно трудно. Однако реплику Кутепова, приведенную нами вслед за Яковом Александровичем, следует поставить под сомнение по крайней мере наполовину: слова «раз ты совершенно разочаровался» являются ответом на якобы высказанное ранее мнение Слещова «что армия больше, по-моему, не существует», – в январе же 1921 г. Слещов черным по белому провозглашал: «... Армия эта – Русская Армия, солдатом которой я был, есть и буду, – она умереть не может и не должна!» Да и в самом рапорте выражалась уверенность, что «бойцы под командой старшего из бойцов, генерала Кутепова, хотя бы на новом фронте, исполняют свой долг».

Заподозрить Слещова в двоемыслии довольно трудно, и не только из-за отзывов, подобных сделанному одним из ближайших его соратников: «Лично он был чрезвычайно добродушный и милый человек, почему все его близко знавшие горячо любили эту широкую чисто русскую душу», – и даже: «Якова Александровича не трудно было обмануть, т. к. он был очень доверчив», – что как будто плохо увязывается со способностями к двуличию. Важнее другое: смысл рапорта, поданного Врангелю, сводится к необходимости позаботиться о голодающих офицерах и солдатах во имя сохранения Армии, а при действительном разочаровании это было бы слишком уж большим, ничем не оправданным и никак не мотивированным цинизмом.

Обратим внимание еще на одну деталь: рапорт был написан Слещовым на борту вспомогательного крейсера «Алмаз», а именно там к этому моменту (19 ноября) располагался штаб Кутепова. Похоже, что документ, упрекавший Врангеля в невыполнении обязательств перед вверенной ему Армией, родился сразу же по результатам если и не «заговора», то «сговора» между двумя генералами. Показательно, однако, отсутствие прямого требования уйти с поста Главнокомандующего, хотя оно и читается между строк, а сам рапорт написан в весьма вызывающем тоне. Очевидно, вплотную подойдя к «тому, что принято называть *coup d'etat*», Яков Александрович все-таки не смог и преодолеть привычку к субординации.

В принципе, часть общественного мнения была уже подготовлена к смене Врангеля, причем не только Кутеповым, но и самим Слещовым. Современник зафиксировал разговоры в толпе, собравшейся перед русским посольством в Константинополе при получении известий о крымской катастрофе: «Слышали? Слещов – вместо ген[ерала] Врангеля». – «Ерунда, ген[ерал] Врангель сам назначил Слещова». Но в действительности смена Главнокомандующего так и не состоялась.

«Что произошло на “Корнилове” (крейсер, где находился штаб Главнокомандующего. — А.К.), куда Кутепов возил мой рапорт, я не знаю, ибо ответа никакого я на него не получил», – пишет Слещов. Не имея на этот счет никакой конкретной информации, нетрудно, однако, догадаться, что произошел новый «сговор» – Врангель расколол складывающуюся генеральскую оппозицию, прежде чем она успела по-настоящему оформиться. Последовательность событий сама по себе достаточно красноречива: рапорт Слещова, в котором он «выставил преемником власти главкома генерала Кутепова», датирован 19 ноября, 20 ноября Генерал-лейтенант Кутепов был произведен Врангелем в генералы-от-инфантерии, а 21-го «назначен командиром 1-го армейского корпуса, в состав которого сведены все части Русской армии, кроме казаков».

Следует признать, что сложившееся «распределение ролей» в иерархии русских войск, сохранивших свое военное лицо и на чужбине, в первую очередь в лагере близ города Галлиполи, было достаточно целесообразным. Врангель, все-таки несший печать только что проигранной войны, остался в Константинополе, при помощи назначенного им «Русского Совета при Главнокомандующем» стремясь защищать интересы и целостность Армии, в то время как Кутепов находился с войсками, крепко взяв их в руки и восстановив высокий моральный дух. Посетивший Галлиполи писатель И. С. Лукаш так рассказывал об этом:

«О Врангеле в армии говорят мало. Врангель вне армии, выше ее. О Врангеле не говорят как о командующем. Для Галлиполи он выше командующего. За синей линией моря, где идут рядами, томительно шумя, белые дорожки пены, там перед всем миром Врангель один стоит за Россию и ее армию. [...]

Армия любит Врангеля. Армия знает, что Врангель – ее одинокая стена перед всем миром.

А широкоплечий и крутой Кутеп-паша – в самой армии. Это ее нарезной винт, ее крутой и крепкий цемент».

При таком распределении ролей генералу Слащову места уже не оставалось...

Открытый конфликт

Жизнь как будто специально подталкивала Якова Александровича к новым и новым действиям, все дальше и дальше по пути, который он сам, быть может, в другое время счел бы предосудительным. После неудачи «дворцового переворота» генерал сделал первую попытку вынести сор из избы, обратившись к председателю «собрания Русских Общественных Деятелей» П.П. Юреневу с письмом, в котором повторял свои упреки в адрес Врангеля («несоответствие некоторых окружающих его лиц», ошибочная стратегия, повлекшая оставление Крыма, неспособность или нежелание обеспечить бедствующих чинов Армии и беженцев, в целом – несостоятельность как Главнокомандующего и Правителя) и оспаривал призыв «собрания» во имя продолжения борьбы сохранить «преемственность власти ген[ерала] Врангеля, действующего в полном единении с широкими общественными кругами». «Общественные организации теперь выступают на поддержку виновников потери нашей Земли», – возмущался Слащов, однако получил довольно сухой ответ: «...Бюро Политического Объединения считает долгом с особой настойчивостью настаивать (так в документе. – А.К.) на мысли о необходимости в переживаемый момент общественного и индивидуального единения», причем центром, вокруг которого следовало объединяться, по-прежнему предполагался Врангель. Одновременно письмо Слащова было передано... тому же Врангелю, образовавшему «суд чести старших офицеров», который по рассмотрении письма признал «поступок генерала Слащова-Крымского в переживаемое нами тяжелое время недостойным русского человека и тем более генерала». Следствием стало увольнение «виновника» от службы «без права ношения мундира».

Слащов был, разумеется, возмущен и ответил письмом на имя Врангеля, справедливо указав на многочисленные юридические несоответствия в судебной процедуре и с не меньшим жаром подчеркивая: «...Пребывание Вас и сдавших [Крым?] некоторых высших начальников [на своих постах] для дела вреднее моих разоблачений»; «начальники, поставившие своих подчиненных в столь тяжелое положение, как наше, потеряли свой авторитет и никогда не смогут возродить дело». Впрочем, похоже, он изначально не очень надеялся не только на какой-либо эффект от этого письма, но и на убедительность (эффективность?) своего обращения к Юреневу, поскольку в течение декабря 1920 г. уже должен был предпринимать шаги по систематизации материалов и подготовке к печати книги, увидевшей свет 14 января 1921-го.

Громкое и, быть может, даже крикливое название – «Требую суда общества и гласности (Оборона и сдача Крыма): Мемуары и документы» – привлекало к книге внимание не меньше, чем громкое имя автора (книга вышла с его фотопортретом периода крымских боев весны 1920 г. и факсимильным автографом). Издатель или книгопродавец не поскупился даже на дополнительную рекламу в виде «сэндвичей» (людей с плакатами на груди и на спине), а вскоре к этой рекламе присоединился и привкус запретного плода: книгу не разрешено было продавать в киоске во дворе русского посольства, а одиночных продавцов («голодных офицеров, продававших книжку из-под полы») разгоняли. Тем не менее, книга расходилась, и вскоре потребовалось второе издание, практически стереотипное. Проникала «константинопольская брошюра» (как называл ее впоследствии сам Слащов) и в «кутеповский» галлиполийский лагерь, где ее передавали из рук в руки, взимая за прочтение по полдрахмы (плату умеренную – менее 10 % продажной стоимости книги, – но для голодных галлиполийцев ощутимую, равную стоимости 300–400 грамм хлеба или риса). Не останавливало ни это, ни дисциплинарная ответственность, которая грозила за знакомство с произведением Слащова.

Однако была ли достигнута цель, которую ставил перед собою Яков Александрович, выпуская свою «константинопольскую брошюру»? Для ответа на этот вопрос следует задуматься, какой же могла быть эта цель. Разложения армии, которая, оказавшись за границей,

якобы становилась исключительно орудием в руках иностранцев и «врагом России» (официальная слащовская версия после его переезда в РСФСР), по совести, трудно было достигнуть, восклицая: «...Русская Армия [...] умереть не может и не должна!» Не стоит видеть в книге и свидетельство «смены вех», перехода на новые идейные позиции, тем более что и «сменовеховский» лагерь не признавал генерала «своим» (за двадцать номеров журнал «Смена Вех» лишь однажды, и то уже в феврале 1922 г., упомянул Слащова в более или менее положительном контексте, а его выступления января 1921-го попросту игнорировались): ведь Яков Александрович не выражал ни тени сомнения в необходимости борьбы против большевизма в ее целом или частностях, не предлагал менять курс, не противопоставлял идеи патриотизма – идее сохранения армии на чужбине (что прозвучит позже в его «московских» мемуарах). «Константинопольская брошюра» написана с прежних «белогвардейских» позиций и даже, если угодно, позиций еще более непримиримых, чем врангелевская (по Слащову, в ноябре 1920 г. следовало продолжать войну, а не эвакуироваться). Именно с такой точки зрения генерал считал Врангеля несостоятельным Главнокомандующим и призывал «общество» отказать ему в доверии на будущее. Удивительно ли, что призыв этот оказался обращенным в пустоту?

«“Последним Новостям” нужны были обличения Слащова, а правда им была не нужна», – писали в 1923 г. авторы «врангелевского» лагеря, однако в действительности парижской газете избравшего «новый курс» П.Н. Милюкова не нужен был ни разоблачительный пафос Якова Александровича, ни сущность упреков, высказанных им в адрес Главного Командования. Те общественные круги, которые не считали целесообразным поддержать Врангеля, в самом лучшем случае вздыхали: «И все эти жалобы, и интриги, и суды чести, – до чего это все эмигрантское, беспочвенное и безнадежное!» («Последние Новости»), а то и откровенно злорадствовали по поводу «ссоры двух “генералов” выпуска гражданской войны» (эсеровская «Воля России»). Позиция Слащова – за продолжение активной борьбы, но против признания ее вождем генерала Врангеля, – могла бы в будущем встретить поддержку радикально-монархических кругов, но в январе – феврале 1921 г. время для этого еще не наступило, и декабрьский номер берлинского «Двуглавого Орла» в редакционной статье, прославляя подвиг «горсточку храбрецов под водительством монархиста генерала Слащова» во время крымских боев, еще не противопоставлял ему «честного полководца генерала Врангеля», а называл эти имена в общем ряду. Способными понять и не осудить Якова Александровича, похоже, оказывались... только его недавние соратники и подчиненные, не под- держивавшие, впрочем, вызывающих действий опального генерала.

«Я не суд и не общество – я только бывший рядовой офицер Русской армии, но хочу сказать и Слащову, и обществу то, что я думаю о его книге, о той правде, которая в ней, и о том моменте, когда она была выпущена», – начинал брошюру «Ответ генералу Слащову-Крымскому» не раскрывший своего имени «поручик П. В-ов», подчеркивая далее, что книга, «ударяя по личности Врангеля, [...] бьет по самой идее вооруженной борьбы с большевизмом, дискредитируя генеральство вообще», – и восклицая в надежде, что «снова раздастся трубный призыв»:

«За кем идти?

Ведь кроме Врангеля и Слащова, Армия никого не знает (явное преувеличение – как мы помним, не меньшей популярностью пользовался Кутепов. – А.К.).

Других имен, могущих объединить и спаять изверившихся во всех и всем солдат, – нет.

А ведь может настать час, когда Родина снова призовет своих измученных, но верных ей сынов к новой жертве, к новому бою за Веру и Отечество. [...]

Надо протянуть друг другу руки, и тогда Армии, страдающей на чужбине, хотя [бы] морально станет легче нести тяжелую страду изгнания».

Незамеченные события

Традиционные изложения конфликта Слащова с Врангелем и последующего отъезда Якова Александровича в РСФСР не замечают или игнорируют и процитированный выше призыв, и отсутствие сколько-нибудь серьезной поддержки эмигрантской общественностью обличений Слащова. А между тем, трудно представить, чтобы все это не оказывало влияния на впечатлительного генерала; и если считать правдоподобным предположение, что безответные апелляции к ссуду общества» должны были его разочаровать, – появляются и основания не отвергать (как совсем недостоверные) сведения о новых шагах Слащова, направленных... к примирению с Главнокомандующим.

Газеты тех дней, уделявшие генеральскому конфликту немалое внимание, то и дело публиковали и явные сутки» в диапазоне от ареста Слащова до его отъезда из Константинополя в Сербию; поэтому отношение к газетной информации изначально не может не быть критическим. Однако нельзя и полностью отбросить заметку о «повинной генерала Слащова» (опубликована 6 марта), в которой утверждалось, что Яков Александрович обратился к Врангелю с «прошением о разрешении ему вернуться в ряды армии»: «...Ген[ерал] Слащов заявляет о полном раскаянии в своих поступках и выпадах против ген[ерала] Врангеля, объясняя это “раздражением голодного человека”». Менее чем через три недели появилось и сообщение о формировании им с отряда партизан своего имени», в другом печатном органе снабженное комментарием: По слухам, состоялось его примирение с ген[ералом] Врангелем». Некоторым основанием для доверия к этой информации могут служить два мемуарных свидетельства, которые, как представляется, следует считать независимыми.

Трудно предположить, чтобы генерал Н.В. Шинкаренко сорок с лишним лет спустя в Испании вспомнил крохотные заметки, промелькнувшие в парижской или берлинской газете в 1921 г., когда писал о Слащове: В Константинополе повел себялюбивую кампанию против Врангеля. Брошюры за своей собственной подписью. Потом устыдился, что ли, и выразил раскаяние». И еще меньше оснований не доверять однополчанину Якова Александровича еще по Мировой войне, полковнику Б.В. Сергееву, близко общавшемуся со Слащовым в Константинополе и позже, на страницах малотиражного полкового журнала, рассказавшему: «...Он считал, что нельзя складывать оружия, а нужно бороться и бороться. Он не хотел считаться с общей усталостью. Проект с высадкой (десантом на территорию Советской Республики. – А.К.), с началом партизанщины, – вот чем он был занят».

Последним свидетельством конкретизируется беглое упоминание об «отряде партизан», по времени совпавшее с появлением весной 1921 г. известий о массовых восстаниях против большевиков в районе Одессы – местности, где Слащов успешно воевал в 1919-м и которую считал предпочтительной для развития боевых операций в 1920-м. История донесла до нас реакцию члена Русского Совета В.В. Шульгина на это известие: Шульгин просил у Врангеля «генерала с именем», чтобы «составить в Одессе правительство», – а на вопрос Главнокомандующего «кого вы имеете в виду?» – с жаром отвечал: «Генерала Слащова. Я знаю все ваши возражения. Но у него – имя!»

Из «проектов с высадкой», однако, ничего не вышло, и приходилось как-то существовать дальше. Будучи исключенным со службы в декабре, Яков Александрович действительно остался, как он писал, «по типичному беженскому выражению, “без пиастров”», не имея надежды ни на какое, сколь угодно мизерное, жалованье. Полковник Сергеев вспоминал, что генерал был вынужден даже продать золотой эфес наградного оружия (как характерно, что не клинок!). Однако к лету 1921 г. Слащов добился субсидии константинопольского представительства Всероссийского Земского Союза (называли сумму в 2000 турецких лир); интересно, что возглавлявший Земский Союз А.С. Хрипунов в конце июля призывал армию к «распыле-

нию, организованному по общему плану»... вместе с П. Юрневым, чья «проврангелевская» позиция в декабре так дорого обошлась Слещову. Тогда же генерал переезжает из Константинополя («квартал Везнеджилер, улица Де-Руни, дом Мустафа-Эффенди») «на “угол” Босфора и Черного моря [...] в имение Мемет-паши», где организует «сельскохозяйственную колонию».

«Позируя, подражая не то Суворову, не то Наполеону, он мечтал об известности и славе. [...] И вдруг генералу Слещову-Крымскому пришлось разводить индюшек в Константинополе на ссуду Земского союза!» – иронически писал человек, несколько раз в жизни разговаривавший со Слещовым. Однако на самом деле Яков Александрович любил птиц, держал их у себя дома, заболелся о заболевших или увечных, так что подчиненный, хорошо знавший его, даже назвал эту любовь «юродивой». Сохранилась и фотография эмигрантского периода, на которой Слещов кормит индюшат и все дышит покоем и умиротворенностью. После шести лет непрерывной войны месяцы в «имении Мемет-паши» могли бы показаться идиллическим отдыхом, если бы они не были наполнены тайною работой, о смысле и содержании которой мы и сейчас можем только догадываться.

Прежде всего, как уже было сказано, с февраля генерал Слещов вел тайные переговоры с большевистским агентом «Ельским» (псевдоним представляется переводом фамилии: «Tannenbaum» – по-немецки «ель»). Сразу следует заметить, что работа красной разведки выглядит довольно плохо скоординированной, а Яков Александрович, похоже, не доверял ни одному из своих собеседников, приехавших из Советской Республики. Так, о его «желании вернуться на родину, чтобы отдать себя в руки советского правительства» в ВЧК узнали вовсе не от константинопольского «конфидента» генерала, а из перехваченного частного письма, а Разведывательное управление штаба войск Украины и Крыма к октябрю установило контакт со Слещовым независимо от ВЧК и тогда же сообщило об аналогичных намерениях Якова Александровича; значит, генерал независимо вел переговоры с каждым из агентов, не ставя их в известность, что они дублируют работу друг друга? И сомнительным выглядит отправное положение всей «разработки» Слещова большевиками: из массы слухов и разговоров, попадавших, как мы видели, и на печатные страницы, они выделили лишь генеральскую ссору и жалобу Слещова на то, что с ним поступили несправедливо и выбросили из армии «без пиастров».

Непонятно даже, насколько серьезно рассматривался вопрос, почему, собственно, для «обиженного» Слещова Советская власть должна была оказаться ближе (или по крайней мере более приемлемой), чем другие политические силы или личности, с которыми Яков Александрович поддерживал в это время контакты: чем константинопольские или берлинские монархические круги; чем украинские федералисты «непетлюровского» толка (Украинский Национальный Комитет С.К. Маркотуна) или «монархической» (гетманской) ориентации (полковник И.В. Полтавец-Остряница, с меньшей вероятностью – сам бывший Гетман Украинской Державы генерал П. Скоропадский); чем Великий Князь Димитрий Павлович, «состоящим в распоряжении» которого признавал себя сам Слещов применительно к тому же 1921 г.; чем те эмигранты, которые строили на его счет самые причудливые планы (сохранились воспоминания, как при обсуждении кандидатов на престол в кулуарах Церковного Собора 1921 г. в ряду других упоминалась и кандидатура Слещова «якобы как незаконного сына Александра III»).... Наконец, почему большевиков, против которых Слещов так упорно сражался, он должен был предпочесть... тому же генералу Врангелю, несмотря на все прошлые обиды и несогласия?

Последний вопрос не является праздным, несмотря даже на то, что, независимо от предположительного «раскаяния» Слещова в марте, личная неприязнь между генералами отнюдь не была изжита. Поэтому не стоит подвергать сомнению искренность критических замечаний в адрес Врангеля, содержащихся в слещовских мемуарах (замечаний не всегда справедливых), или едких зарисовок в мемуарах врангелевских, изображающих Якова Александровича человеком с «туманом в голове». Тем знаменательнее, на наш взгляд, что Главнокомандующий,

не питая к нему расположения и в целом на страницах своих «Записок» не отличающийся справедливостью и беспристрастием, ни разу не позволяет себе попрекнуть опального военачальника «изменой» или «переходом к большевикам» (а ведь «Записки» создавались по горячим следам, в 1921–1923 гг.!). Но это, разумеется, не может само по себе считаться доводом, поэтому обратимся к показаниям Слещова, данным им в Москве.

Оказавшись в Москве, Яков Александрович, естественно, подвергся допросу в ВЧК, где у него стремились получить сведения о составе Русской Армии, ее военачальниках, эмигрантских организациях и проектах и проч. В документе, датированном 10 ноября 1921 г., содержится, в частности, весьма невразумительный рассказ, как сербский посланник, пригласив генерала в гости, положительно отзывался при нем о Врангеле; Слещов якобы ответил: «Не будем говорить о этом подлеце», – но... «несмотря на это, через несколько дней Врангель приехал по делу сербосланника (так в публикации документа. – Л.К.), но мы не разговаривали. Потом Врангель приехал вторично, но мы не разговаривали. Все это я могу объяснить только желанием французов использовать Добровольческую] А[рмию] для нужных им целей в Украине (так в публикации документа.—А.К.). Нужно было поддержать Врангеля, которого они признали как верховного правителя, и зачем-то нужно было мирить меня с ним».

Показания Слещова вообще содержат немало недостоверных, неправдоподобных или просто ложных утверждений: в частности, французское командование было озабочено изоляцией Врангеля, а не консолидацией вокруг него эмигрантов, и распылением Русской Армии, а не подготовкой ее к десанту. Кроме того, непонятен и стилистически не очень оправдан повтор в отношении «приездов» Врангеля. К сожалению, неясен характер документа, опубликованного в наши дни по заверенной копии, – и не исключено, что он представлял собою не собственноручные показания, а более или менее точную запись (протокол), или, в случае, если исходный документ был все-таки написан Яковом Александровичем, – что он отражал не только пронумерованные вопросы опросного листа, но и уточняющие вопросы, задававшиеся в ходе каких-то бесед, о которых мы, скорее всего, никогда уже не узнаем. Если это предположение верно, и непонятный повтор «приехал... не разговаривали» – «приехал... не разговаривали» стал следствием назойливых вопросов, то недалеко уже до картины, где Слещова уличают в чем-то. И это как будто подтверждается пометками на документе: «не разговаривали», – утверждает генерал, – «разговаривали», подчеркивает неизвестный читатель, минуя «не»; «не разговаривали», – повторяет Яков Александрович, – «разговаривали», вновь подчеркивает чекист.

Пройдет несколько лет, и Слещов расскажет в печати ту же историю с дополнениями, которые сделают ее еще более подозрительной: «За ужином [у посланника] я застал офицеров лейб-гвардии Атаманского полка из штаба Врангеля, и разговор вертелся на том, что в тяжелый для родины момент нельзя ссориться, а надо действовать всем заодно, во имя отечества». Разумеется, и тут он отвергает подозрения в сговоре: «Должен сознаться, что я был несколько груб и неосторожен (своими словами я мог сорвать весь план моего отъезда), но я прекратил этот разговор очень резко», – однако с довольно загадочным продолжением: «Ужин оказался впустую, – я ушел к себе, – но виновник торжества, генерал Врангель, предупрежден вовремя о неудаче не был и разлетелся в имение Энвер-паши (где происходила беседа; самого Энвера, как известно, в Турции уже давно не было.—А.К.)». Вряд ли можно сомневаться в установлении за Слещовым слежки со стороны советской агентуры в Константинополе, и приведенные туманные цитаты, производящие впечатление какой-то недосказанности, сильно походят (особенно вторая) на попытки довольно неуклюжей «легализации» генералом обстановки, дававшей ему летом 1921 г. возможность для переговоров с Главнокомандующим, – переговоров, которые оба, очевидно, больше всего хотели бы сохранить в тайне.

Темнил и путал следы не один Слещов. Полковник князь Д.Д. Тундутов, в 1918 г. бывший «временным Атаманом Астраханского Казачьего Войска», в ноябре 1922-го репатрииро-

вался в РСФСР, в апреле 1923-го был арестован и в июне в камере Бутырской тюрьмы написал многостраничное повествование о событиях Мировой и Гражданской войн, а также своем пребывании в эмиграции. По рассказу Тундутова, осенью 1921 г. в Константинополе он получил приглашение от Слещова встретиться и познакомиться, однако сама встреча описывается крайне невнятно: «Мы сели за стол. Разговор вначале, как всегда бывает между мало знакомыми людьми, шел довольно вяло... [...] После кофе, когда было уже довольно выпито, ген[ерал] Слещов обратился ко мне: “Я собираюсь ехать в Россию, жизнь здесь мне опротивела и не имеет никакого смысла”. “А Вы не боитесь?”, спросил я его. “Судьба”, пожал он плечами. “Положение русских эмигрантов за границей невыносимо, если Советская власть простит нас, то надо возвращаться домой”, добавил он. “Вы популярны, в армии Врангеля у Вас много сторонников, если Вы по приезду (так в публикации документа. – АЖ.) в Россию получите прощение для них и напишете им, я думаю, многие последуют за Вами”, отвечал я. Затем разговор прекратился, вмешался генерал Дубяго (бывший начальник штаба у Слещова в 1919–1920 гг. – А.К.), и разговор принял самый посторонний характер. Через несколько времени, поблагодарив Слещова и Дубяго за хлеб-соль, мы с Чоновым (сотрудник Тундутова в описываемый период. – АЖ.) покинули кабинет».

Рассказ князя очевидно неправдоподобен. Специально знакомиться с кем-то совершенно неизвестным ранее, чтобы вместе выпить и неожиданно признаться в предстоящем отъезде, который совершался конспиративно, – было бы слишком даже для такого импульсивного и неуравновешенного человека, каким изображали Слещова недоброжелатели. А если предположить (и предположение это кажется нам не лишним основанием), что единомышленники Якова Александровича, которые у него безусловно были, предварительно наводили справки о Тундутове, – то версия последнего об их знакомстве начинает выглядеть и вовсе невозможной, ибо князь был связан с «калмыками, которые были на английской службе в Константинополе», то есть имел подходящее «прикрытие» для возможных контактов с англичанами. Слещов же, как утверждал впоследствии в СССР (и вряд ли мог утверждать иначе), подвергался слежке со стороны иностранцев: «... Я хотел вернуться в свое отечество. Франция и Англия сделали все, чтобы это не состоялось». В такой ситуации сомнительное знакомство и совершенно немотивированная откровенность были бы решительно недопустимы и даже попросту преступны.

На допросе в ноябре 1921 г., вероятно, еще не зная, что через год Тундутов тоже пожелает «репатрироваться», Яков Александрович упомянул его как эmissара Великого Князя Димитрия Павловича. Однако в действительности этим не ограничивался весьма широкий круг знакомств и возможных единомышленников бывшего атамана, среди которых наибольшее внимание должна была бы привлечь фигура генерала П.Н. Краснова (в 1918 г. он покровительствовал попыткам Тундутова сформировать «Астраханскую Армию»). В частности, уже находясь в советской тюрьме, князь признавал, что весной 1922 г., вступив в переговоры с большевиками о репатриации (то есть при обстоятельствах не менее подозрительных, чем во время его знакомства со Слещовым), он встречался в Германии с Красновым, – причем дал описание этой встречи, также не выглядящее правдоподобным. Слещов никогда не служил вместе с Красновым и, скорее всего, они не были лично знакомы. Однако на тех же допросах в 1921 г. Яков Александрович совместно с капитаном Б.Н. Войнаховским неожиданно упомянул бывшего Донского атамана, причем в контексте, вызывающем сегодня изумление: среди лиц, якобы разделявших «возвращенческие» настроения (а на самом деле отличавшихся упорной непримиримостью)...

Последнее слово Слащова-Крымского

Еще раз подчеркнем: все эти наблюдения и сопоставления не столько дают ответы на вопросы, сколько побуждают задавать новые, – как и последнее заявление генерала Слащова, преданное гласности уже после его отъезда из Константинополя: «Все предположения, что я еду устраивать заговоры или организовывать тайком всех повстанцев – бессмысленны. Внутри России революция окончена. Единственный способ бороться за наши идеи – это эволюционный путь. На этом нуги стоят и большевики.

Если меня спросят, как я, защитник Крыма от красных, перешел теперь к ним, я отвечу: я защищал не Крым, а честь России. Ныне меня зовут защищать честь России, и я еду выполнять мой долг, считая, что все русские[,] военные – в особенности, должны быть в настоящий момент в России».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.